
Ты предал меня —
я ушла к
КОНКУРЕНТУ
Яна
Дмитриева

Яна Дмитриева

Ты предал меня — я ушла к конкуренту

«Автор»
2026

Дмитриева Я.

Ты предал меня — я ушла к конкуренту / Я. Дмитриева — «Автор», 2026

— Через месяц она здесь никто. Главное, чтобы до подписания не догадалась.Вот так я узнала, что муж собирается избавиться от меня. И отдать моё место своей любовнице.Восемь лет я помогала ему строить бизнес, спасала от провалов и верила, что мы одна команда. А оказалось, я всего лишь удобная жена, которую пора заменить на новую модель.Он уверен, что без него я пропаду?Как бы не так, дорогой!Я ухожу. Причём не куда-нибудь, а к его главному конкуренту — успешному, обаятельному и до невозможности самоуверенному Кириллу Белову.Только вот новая работа неожиданно превращается в нечто гораздо более опасное. Между нами вспыхивают чувства, бывший начинает терять всё, а кто-то очень не хочет, чтобы я обрела счастье.Что ж, милый, ты сам выбрал любовницу.А я, кажется, выбрала мужчину, который покажет тебе, кого ты потерял!

© Дмитриева Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Десять минут до катастрофы 5
Глава 2. Жена с истёкшим сроком годности 9
Глава 3. Свобода с одним чемоданом 15
Глава 4. Чужой мужчина, знакомый взгляд 20
Глава 5. Бывшая жена — новая проблема 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Яна Дмитриева
Ты предал меня — я ушла к конкуренту

Глава 1. Десять минут до катастрофы

— Через месяц она здесь никто, — сказал мой муж. — Главное, чтобы до подписания не догадалась.

Я остановилась перед дверью его кабинета с двумя бумажными стаканчиками в руках.

В одном был капучино без корицы, потому что Олег терпеть не мог корицу. Во втором — мой чай, который я купила скорее по привычке, чем от желания. Половина восьмого утра. Город ещё зевал, дворник воевал с опавшими листьями, а я уже мысленно успела провести три совещания, поругаться с поставщиком плитки и спасти один несчастный ремонт, который, кажется, не хотел быть спасённым.

Ещё я опоздала на десять минут. Рекорд для женщины, которая восемь лет заводила будильник на полчаса раньше мужа и не помнила, когда в последний раз завтракала сидя.

— Она поверит? — спросил женский голос.

Алину Котову я узнала сразу. Такой голос обычно бывает у девушек, которым с детства не приходилось просить дважды. Двадцать девять лет, идеальные брови, отец — Борис Котов, владелец сети строительных магазинов и человек, который мог одним звонком остановить половину городских поставок.

— Вера привыкла отвечать за работу, а не задавать вопросы, — усмехнулся Олег. — Она даже увольнение себе организует так, чтобы всем было удобно.

Я машинально прижала стаканчики к груди. Горячая крышка обожгла пальцы.

Они говорили обо мне.

Впрочем, догадка была несложной. Других Вер, которые восемь лет вытаскивали фирму моего мужа из долгов, у нас в офисе не водилось.

— А развод? — уточнила Алина. — Ты же обещал.

В коридоре кто-то засмеялся. В другой жизни я бы обернулась и шикнула: до начала рабочего дня ещё полчаса, а клиент в переговорной уже ждёт. В этой жизни почему-то не получилось даже пошевелиться.

— Не сейчас. Сначала новый контракт. Потом я объясню ей, что мы давно чужие люди. Она устроит свою обычную драму на двадцать минут и начнёт перечислять, сколько для меня сделала.

— Потому что сделала?

— Потому что любит считать. Вера вообще всё превращает в таблицу. Даже наш отпуск однажды распечатала по дням. Представляешь, с такой женщиной жить?

Алина рассмеялась.

Мне тоже захотелось рассмеяться. Очень. До икоты, до слёз, до того состояния, когда окружающие тревожно спрашивают, всё ли с тобой в порядке.

Отпуск я распечатала, потому что Олег забыл забронировать гостиницу. А до этого купил авиабилеты в разные дни. И когда мы с чемоданами застряли в аэропорту, именно моя распечатка помогла поменять бронирование. Тогда он назвал меня волшебницей.

Оказывается, волшебницы быстро превращаются в скучных ведьм, если перестают быть бесплатными.

— Ты всё-таки слишком жестоко, — сказала Алина с тем ленивым интересом, с каким обсуждают погоду в чужом городе.

— Я практичен. Она отличный исполнитель. Но рядом со мной нужна другая женщина. Та, которая умеет жить красиво.

Я посмотрела на свои туфли. Удобные, чёрные, с чуть стёртым каблуком. Купила их три года назад, после того как во время проверки объекта наступила на саморез и проткнула прежнюю пару. Новые туфли выбирала за двадцать минут между двумя встречами. Красиво жить мне было некогда.

— И ещё, — продолжил муж. — Папа должен понять, что ты со мной всерьёз. Без этого он не войдёт в проект.

Вот теперь всё стало на место. Измена как часть инвестиционного предложения. Чего только не придумают мужчины ради роста бизнеса. Осталось приложить к договору свидетельство о браке с пометкой «подлежит утилизации».

Я толкнула дверь.

Не резко. Просто плечом — руки были заняты.

Удивительно, как быстро мозг умеет запоминать вещи, которые хотелось бы никогда не видеть.

Олег сидел в своём кресле. Алина стояла между его коленями, положив ладони ему на плечи. Белая блузка, золотая цепочка на шее, красная помада. Одна пуговица расстёгнута. Мой муж, всегда такой занятый, успел найти время на совершенно нерабочий процесс.

— Доброе утро, — сказала я.

Олег вскочил. Алина отступила, но не настолько быстро, чтобы это походило на случайность.

— Вера? Ты…

— Опоздала, — подсказала я. — Знаю. Непростительно. В следующий раз постараюсь прийти к собственному разводу вовремя.

Он открыл рот и закрыл. Я впервые за много лет увидела, что Олегу нечего сказать. Момент, безусловно, исторический.

— Всё не так, как выглядит.

— Отлично. А то я уже переживала, что мне придётся идти к окулисту. Значит, ты не держал её за талию, а она не просила развод? Какое облегчение.

— Давай поговорим спокойно.

— Мы и говорим. Вот чай. Нет, подожди, тебе капучино. Без корицы. Я же помню все твои привычки. Практически семейная энциклопедия.

Я поставила стакан на стол. Крышка отлетела, на дорогой кожаный органайзер пролилось кофе.

Олег взглянул на пятно так, будто именно сейчас случилось настоящее предательство.

— Осторожнее! Там документы!

— Да? — Я посмотрела на бумаги. — А жена там случайно не числится? А то её, кажется, уже списали.

Алина скрестила руки.

— Вера, я не хотела, чтобы ты узнала вот так.

— Понимаю. Ты, наверное, представляла уютный вечер, свечи, музыка, и Олег торжественно вручает мне уведомление о замене на более современную модель.

— Не надо меня оскорблять.

У меня даже дыхание перехватило от наглости.

— Девочка, ты стоишь в кабинете моего мужа с его руками на собственной талии. Думаю, право на плохие манеры я сегодня заработала.

— Вера! — рявкнул Олег.

Его обычный тон. Так он разговаривал с рабочими, когда понимал, что сам перепутал сроки поставки. Сначала повысить голос, потом сделать вид, что дело не в нём.

Я вдруг почувствовала, что колени стали ватными. Не от страха. От того, что у этой сцены не было запасного выхода. Никто не скажет: шутка. Никто не выскочит из шкафа с камерой. И в конце не окажется, что всё это страшное утро мне приснилось.

— Мне нужно забрать бумаги к встрече, — сказала я. — И я уйду.

— К какой встрече?

Я посмотрела на мужа. Потом на Алину. Потом снова на мужа.

— Олег, — медленно произнесла я, — у нас сегодня переговоры с Котовым. В девять. Мы полгода готовили сделку. Ты разве не помнишь?

Алина отвела глаза.

— Мы перенесли на восемь, — ответил он. — И уже всё обсудили.

Вот оно. Второе дно. Пока я стояла перед зеркалом, поправляя помаду и мечтая хотя бы раз прийти домой до восьми, они подписывали будущее компании без меня.

— Ты не предупредил.

— Вчера отправили письмо.

— На мой рабочий адрес?

Пауза.

— На общий.

Я достала телефон. В общей почте не было никакого письма. Зато были три напоминания от меня самой: проверить смету на объекте, оплатить страховку машины Олега и купить его матери лекарство от давления. Моя жизнь в трёх уведомлениях.

— А договор? — спросила я.

— Вера, давай без допроса.

— Тот самый договор, над которым я сидела до двух ночи. Куда он делся?

На столе лежала папка. Синяя, с заломом на уголке. Моя. Я сама подписала маркером «Котов. Финальная редакция».

Алина убрала с неё ладонь.

Я открыла первую страницу. Из перечня руководителей проекта исчезло моё имя. В разделе распределения прибыли появился отдельный пункт о вознаграждении нового партнёра — Алины. И даже оформление осталось моим: шрифт, поля, номера страниц. Муж всегда говорил, что у меня красивый почерк. Видимо, считал таковым и Times New Roman.

— Ты серьёзно? — спросила я.

— Ты не понимаешь всей картины.

— Тогда нарисуй. Только цветными карандашами. Возможно, так дойдёт быстрее.

— Фирме нужны деньги. Борис готов вложиться, но хочет гарантий. Алина будет заниматься развитием.

— Чем именно?

— Новыми направлениями.

— Какими?

— Вера, хватит!

Вот и весь бизнес-план. «Новые направления». Очень содержательно. Кажется, под этим словосочетанием помещались и чужой муж, и чужое место, и чужая жизнь.

Олег обошёл стол и попытался взять меня за локоть.

Я отдёрнула руку.

— Не трогай.

Он замер. За восемь лет я произносила это редко. Обычно «возьми», «подпиши», «я разберусь», «ничего страшного». Даже когда уставала так, что засыпала с зубной щёткой, повторяла: ничего страшного.

А теперь страшное всё-таки случилось.

— До вечера мы поговорим, — сказал он уже тише. — Только не делай глупостей.

— Боюсь, лимит глупостей в нашей семье на сегодня выбрал ты.

Я положила папку на стол, взяла сумку и пошла к двери.

— Вер! — позвал он. — Ты куда?

Я не обернулась.

— К человеку, который хотя бы не врёт, что я умею только бумажки перекладывать.

— Кто это?

Я остановилась. В голове было пусто. Никакого человека не существовало. Ни предложения о работе, ни квартиры, ни плана. Был только мой чай, остывающий на чужом столе, и восемь лет жизни, которые пришлось оставить за дверью.

— Пока не знаю, — призналась я. — Но, согласись, выбор у меня огромный.

Я вышла в коридор и только у лифта поняла, что дрожу.

Администратор Света подняла глаза.

— Вера Андреевна, у вас всё хорошо?

Я посмотрела на отражение в стеклянной перегородке. Прическа цела, пиджак застёгнут, тушь ещё не размазана. Удобная одежда взрослой женщины, которой предстоит развалиться на мелкие кусочки, но желательно не раньше обеденного перерыва.

— Пока не определилась, — ответила я. — Скажи, пожалуйста, если кто-нибудь будет спрашивать, меня сегодня нет.

— А если Олег Павлович?

— Особенно если он.

Лифт приехал. Я вошла, нажала кнопку и почувствовала, что внутри меня треснуло что-то большое, старое, привычное.

Но плакать почему-то не получалось.

На парковке я села в машину, положила руки на руль и вдруг увидела на соседнем сиденье маленький пакет с булочками. Купила их по дороге — Олег любил с вишней.

Я открыла пакет. Откусила одну, не заметив вкуса. Откусила вторую. Потом заплакала прямо с полным ртом, некрасивая, злая, совершенно не похожая на женщину из рекламного ролика об успешном разводе.

Телефон завибрировал.

Сообщение от мужа: «Не забудь, сегодня сантехник в квартире. Встреть его, пожалуйста».

Я смотрела на экран, пока слёзы не высохли сами собой.

Потом напечатала: «Передай Алине. Пусть освоит новое направление».

И впервые за утро улыбнулась по-настоящему.

Глава 2. Жена с истёкшим сроком годности

Первое, что я сделала дома, — сняла туфли и поставила их ровно возле тумбочки. Второе — поправила коврик, который съехал под дверью. На третье сил не хватило.

Я села прямо на пол прихожей. Рядом стоял пакет из супермаркета: молоко, хлеб, помидоры. Купила по дороге, как будто человеку, у которого разом закончился брак, обязательно нужны помидоры. Не знала, что ещё делать с руками. Они всё утро требовали привычного занятия: подать, подписать, поправить, принести.

Из кухни смотрела фотография. Мы с Олегом стояли на фоне реки в ветреный день, он держал меня за талию, я щурилась от солнца. В тот день у него не было ни офиса, ни дорогих часов. Был один потрёпанный портфель, мечта и смешная привычка благодарить меня за каждую удачу.

— Если бы ты знала, как всё кончится, — сказала я девушке в рамке, — хоть волосы бы не укладывала.

Телефон ожил. Олег звонил в шестой раз. Я положила аппарат экраном вниз и пошла в спальню.

Там стояла наша кровать. Обычная, большая, с тёмным покрывалом, на котором я вчера вечером складывала его рубашки. У одного из воротничков не хватало пуговицы. Я хотела пришить сегодня. Господи, кому теперь пришивать эту несчастную пуговицу? Невозможно плакать из-за восьми лет предательства, а из-за дырки в рубашке — пожалуйста. Ревела так, что пришлось сесть, иначе упала бы.

На прикроватной тумбочке нашлась записка, прижатая старым билетом в кино. «Вер, без тебя ничего бы не вышло. Давай всегда вместе. О.» Я помнила, как он её написал. Мы тогда получили первый большой заказ, купили пиццу на последние свободные деньги и пообещали больше никогда не ужинать у компьютера.

Обещание продержалось недели две. Любовь — дольше. По крайней мере, мне так казалось.

Я прислонилась к кровати и закрыла глаза. Словно из соседней комнаты услышала его прежний голос: «Вера, ты чудо. Пожалуйста, не уходи». Он говорил так в самом начале, когда я ещё умела отказываться от работы по воскресеньям. Потом просьба сменилась указанием. Потом даже указания исчезли: он просто ожидал, что я всё сделаю.

Сообщение от Риты пришло с тремя вопросительными знаками.

«Жива?»

«Да».

«Неубедительно. Звоню».

Я сбросила вызов, написала: «Позже», и получила ответ: «Позже — это через пять минут или после того, как я успею вызвать спецназ?»

Смех вырвался короткий, мокрый и некрасивый. Потом я опять заплакала.

✦

Олег вернулся к шести. Не принёс цветов. И спасибо. Цветы в этот день могли бы стать последним преступлением перед моими нервами.

— Нам надо поговорить, — объявил он с порога.

— Какое совпадение. Я всю жизнь мечтала о такой романтической фразе.

Он прошёл на кухню, достал стакан, налил воду. Всё делал медленно, словно в паузах успевал придумать убедительный ответ.

— Ты утром повела себя некрасиво.

Я подняла голову.

— Прости, что застала тебя с любовницей без предварительной записи. Следующий раз предупрежу секретаря.

— Не передёргивай. Ты не понимаешь, насколько важен для нас Котов.

— Я всё прекрасно понимаю, Олег. Я ведь сама полгода бегала за этим человеком. Не знала только, что в стоимость сделки входит моя замена.

Он раздражённо выдохнул.

— С Алиной всё сложнее, чем ты думаешь.

— Не сомневаюсь. Особенно когда одновременно делишь с ней кровать, компанию и мои обязанности.

— Ничего мы не делили. Это была ошибка.

Я смотрела, как у него дёрнулась щека. Раньше в такие моменты я тянулась к его руке: он нервничает, значит, ему нужна поддержка. Сегодня руки остались у меня на коленях.

— Сколько? — спросила я.

— Что сколько?

— Сколько времени ты с ней? Неделя? Месяц? Год?

— Зачем тебе подробности?

— Чтобы понять, сколько времени я прожила в смешном браке, о котором знала последней.

Олег положил стакан на стол. Очень аккуратно. Он всегда боялся оставить круг на столешнице — я когда-то выбирала её три недели.

— С прошлого декабря. Но всё началось не так, как ты себе вообразила.

Декабрь прошлого года. Девять месяцев.

В декабре я лежала с температурой, отвечала на звонки под одеялом и убеждала его всё-таки поехать на встречу. Он вернулся с коробкой пирожных и сказал, что скучал. В январе мы выбирали подарок его матери. В феврале он говорил, что у нас впереди прекрасный год. Я попробовала мысленно пересчитать праздники, ужины и ночи — и остановилась. Это было похоже на попытку вручную разобрать завал после обрушения дома.

— Значит, когда ты в марте звонил из командировки…

— Вера, прошу. Не нужно превращать разговор в следствие.

— Я прошу всего одну вещь: не ври хотя бы сейчас.

Он уселся напротив, растёр виски.

— Между нами давно всё изменилось. Ты сама должна была почувствовать. Мы только работаем. Ты приходишь домой, говоришь про объекты и счета. У тебя вечно усталый вид.

Я вдруг поняла, что он и правда считает это объяснением.

— А у тебя, конечно, был свежий вид. Особенно после отпуска, который мы отменили из-за твоей срочной работы. Пока я разговаривала с рабочими, ты, оказывается, находил время на личную жизнь.

— Вот. Именно. Ты снова считаешь, кто сколько сделал.

— Потому что ты снова присвоил себе всё, что сделала я.

Он вздохнул. Как терпеливый взрослый, которому достался капризный ребёнок.

— Я не хочу рушить семью. Давай пока живём отдельно. Без скандалов. Снаружи ничего не меняется. Потом решим.

— А Алина? Тоже поживёт отдельно от тебя? Или мы будем составлять график посещений?

— Не будь вульгарной.

От этого слова меня неожиданно затрясло. Вульгарной. Женщина, которая девять месяцев приходила домой к мужу и не знала, что он ей изменяет, теперь ещё и недостаточно воспитанная.

— Послушай себя, — попросила я. — Ты считаешь нормальным оставить меня дома, взять любовницу на работу и объявить всем, что я была декоративной подушкой. Но если я скажу грубое слово, рухнет цивилизация?

Он не ответил. Встал, взял телефон, снова проверил экран.

— Я устал. Обсудим завтра. Надо не допустить, чтобы личное отразилось на деле.

— Оно уже отразилось. Ты сегодня сам это устроил.

Олег остановился в дверях.

— Надеюсь, ты не собираешься совершать глупости. Люди тебя знают. Репутация у тебя хорошая. Не стоит её портить обидами.

— Ты сейчас мне угрожаешь?

— Предупреждаю.

— Спасибо. Очень заботливый муж. Поставлю предупреждение в рамочку рядом со свадебной фотографией.

Когда дверь спальни закрылась, я услышала, как он кому-то звонит. Голос сразу стал нежнее: «Да, всё нормально, я разобрался». Не разобрался. Меня просто вычеркнули из уравнения и надеялись, что результат сойдётся.

✦

Рита появилась через сорок минут. С двумя пакетами еды, бутылкой воды и упаковкой салфеток, размером с семейный запас на случай наводнения.

— Я не знала, что брать, — пояснила она. — На убийство у меня бюджета нет, а на суп хватило.

Она оглядела прихожую, задержалась взглядом на нашей общей фотографии.

— Его дома нет?

— В спальне. Устал от собственной подлости. Нелёгкий физический труд.

— Могу стукнуть дверью. Громко. С размаху.

— Не надо. Мы дорого заплатили за петли.

Рита поставила еду на стол. Её волосы выбились из короткой стрижки, тушь чуть отпечаталась под глазами. Она весь день организовывала чужую свадьбу: жаловалась, что жених перепутал дату, а невеста настаивала на живых бабочках в ноябре. Теперь стояла у меня на кухне и не знала, куда деть ладони.

— Он девять месяцев с ней, — сказала я.

Рита села.

— Ого. Это не измена. Это вторая смена с оплачиваемыми сверхурочными.

Я отвернулась к окну. Шутка попала точно в больное место. Рита заметила и сразу замолчала.

— Прости. Я могу без шуток. Недолго, но ради тебя постараюсь.

— Не надо. Иначе я не выдержу.

Мы ели почти молча. Я не чувствовала вкуса курицы, только то, как горячая еда застревала в горле. Рита подсовывала мне салфетки, не требуя рассказа. Потом я вдруг сказала:

— Самое ужасное, что я всё ещё помню, как его люблю.

— Любила, — автоматически поправила она и тут же прикусила язык.

— Нет. Вот именно. Я знаю, какой он сейчас. А внутри всё равно живёт тот, с которым мы сидели на полу в первой квартире и ели лапшу из одной кастрюли. Он тогда чуть не плакал от счастья, когда нам перевели деньги за первый заказ. И меня поцеловал так, будто это моя победа. Мне ведь не приснилось, Рит.

Подруга аккуратно взяла меня за запястье.

— Не приснилось. Тогда он мог тебя любить. Это не делает сегодняшний день менее мерзким.

Я закрыла лицо ладонями.

— Почему я не заметила? Девять месяцев жить рядом с человеком и ничего не видеть — это талант или диагноз?

— Это доверие. Неприятное открытие, но некоторые мерзавцы умеют им пользоваться.

— Мама скажет, что я слишком много работала.

— Мама скажет, что надо надеть шарф, даже если вокруг пожар. Она так устроена.

Мы засмеялись. Потом я сказала слово «развод».

Оно лежало между нами на столе, как что-то острое.

— Я подам, — повторила я. — Даже если завтра буду рыдать и просить вернуть всё обратно, напомни мне, что я сегодня слышала.

— Запишу, — серьёзно сказала Рита. — Могу приклеить стикер на лоб. Хочешь розовый?

— Хочу, чтобы он хоть раз испугался потерять меня.

Рита долго смотрела, прежде чем ответить:

— Не делай его страх смыслом своего ухода. Он уже слишком много занимал места в твоей жизни.

Эту фразу я не смогла сразу принять. Хотелось, чтобы Олег страдал, звонил по ночам, стоял под окнами и признавал: я потерял лучшее, что у меня было. Хотелось, чтобы рядом с ним Алина казалась мелкой и бессмысленной. Хотелось очень много некрасивого. Даже не стану делать вид, что выше этого.

— Я могу завтра к тебе? — спросила я.

— У меня диван. Он скрипит как пенсионер на лестнице. Но для тебя — люкс.

Я кивнула и снова заплакала. На этот раз Рита обняла меня молча.

✦

Мама позвонила за полночь. Кто-то из общих знакомых уже успел передать ей, что мы с Олегом «поссорились». В Самаре новости расходились быстрее такси в дождь.

— Верочка, что случилось? — спросила Лариса. — Мне Зина сказала, у вас неприятности.

— Олег мне изменяет. Почти год. Я ухожу.

На том конце так громко вздохнули, что я представила, как мама держится за сердце. Она начала издалека: мужчины бывают слабые, семьи проходят испытания, женщины сейчас слишком легко всё ломают.

— Мам, он не однажды ошибся. Он собрался устроить новую жизнь и оставить меня при себе как удобную сотрудницу.

— Ну, ты тоже целыми днями на работе. Мужчине тепло нужно.

Я стиснула телефон. Хотелось спросить, где продаётся это тепло в промышленных объёмах и почему никто не сказал мне, что мои бессонные ночи недостаточно жаркие.

— То есть это я виновата?

— Я этого не говорю. Я говорю, что не надо отдавать своего мужчину какой-то девице.

— Он не шкаф, мама. Я не могу выставить его на лестничную площадку и повесить объявление «не трогать, моё».

— Вот ты смеёшься, а тебе тридцать шесть. Потом где искать другого? И зачем? Олег обеспеченный, приличный, не пьёт.

— Только врёт и спит с другой. Небольшие недостатки комплектации.

— Верочка!

Я перебила её впервые за вечер:

— Мне сейчас нужна мама. Не общественный совет по сохранению браков. Если не можешь — я перезвоню.

Я сбросила вызов и тут же почувствовала вину. Мама растила меня одна и до сих пор воспринимала любой уход как опасность. Её страх за меня был настоящим. Но сейчас от него было ещё больнее.

Рита, которая как раз собирала пустые контейнеры, посмотрела вопросительно.

— Она сказала, что после тридцати шести меня примут только в музей, — объяснила я.

— Отлично. В музее хотя бы пыль регулярно вытирают, — сказала Рита. — У меня дома никто не трогает твой возраст. Он у нас в свободном обращении.

Подруга ушла. Я осталась в тишине и впервые за день смогла выдохнуть так, что не свело грудь.

✦

Олег вышел из спальни, когда я тащила чемодан из кладовки. Увидел открытую крышку, сложенную стопку футболок, паспорт на тумбочке.

— Это что за спектакль?

— Репетиция. Премьера завтра. В главной роли — чемодан.

— Ты правда собираешься уйти?

Его удивление обидело сильнее, чем хотелось бы. Получается, он вообще не допускал, что я могу сделать что-то неудобное для него.

— Да.

— Давай хотя бы месяц поживём отдельно, без официальных действий. Не стоит смешить людей скандалом.

— Люди уже смеются. Просто не над тем, над чем ты думаешь.

Олег подошёл к шкафу, попытался закрыть дверцу.

— Послушай. Квартира на мне, машина оформлена на меня, компания моя. Не надо изображать самостоятельную женщину, пока ты не представляешь, где будешь жить.

Я посмотрела на его пальцы на дверце. Когда-то я целовала эти пальцы, если он обжигался или резался. Сейчас хотелось прищемить. Взрослый человек должен иногда сдерживать порывы.

— У Риты, — ответила я.

— Великолепно. Два взрослых человека на одном диване. И надолго тебя хватит?

— Не знаю. Но мне надоело просыпаться рядом с тем, кто считает меня частью меблировки.

Он усмехнулся.

— Будь реалисткой. Если уйдёшь, ничего не получишь. Я всё оформлял на себя.

— Посмотрим, — сказала я, хотя понятия не имела, как это работает. — А сейчас отойди. Я хочу забрать вещи.

Он отошёл, но у двери задержался.

— И, Вера, завтра всё равно надо созвониться с клиентами. У нас там вопросы по пекарне и магазину.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Ты сейчас серьёзно?

— Работу же никто не отменял.

Я медленно закрыла чемодан.

— А ты завтра спроси Алину. Она ведь у тебя отвечает за новые направления. Пусть начнёт с направления «люди, которым надо звонить, когда мир горит».

Олег открыл рот. Я подняла ладонь.

— И не говори, что я слишком резко реагирую. Резко — это когда человек выпрыгивает из окна. Я всего лишь выхожу через дверь.

Позже, уже лежа на краю кровати, я слушала его ровное дыхание и думала, что самое страшное случилось не утром в кабинете. Страшно было вечером, когда мужчина, с которым

я прожила восемь лет, оказался совершенно незнакомым. Как будто прежний Олег снял с себя лицо, положил на полку и ушёл, а рядом со мной спал какой-то деловой господин, уверенный, что потеря жены — небольшая задержка в расписании.

Я не знала, что будет завтра. Знала только одно: утром чемодан поедет со мной.

Глава 3. Свобода с одним чемоданом

Чемодан отказался закрываться. Я сидела на крышке, давила коленом и ругалась словами, которым меня не учили ни в школе, ни на курсах повышения квалификации.

— У тебя там кирпичи? — спросил Олег из дверей спальни.

— Нет. Восемь лет неоправданных ожиданий. Они объёмные.

Вещей, если честно, было немного. Пара платьев, джинсы, зимний свитер, документы, фотографии мамы и моя кружка с надписью «Никаких проблем, только решения». Кружку подарил Олег после первого серьёзного заказа. Особенно забавно было обнаружить, что проблема иногда сидит прямо перед тобой и считает себя решением.

Я вытащила из чемодана одну рубашку. Белую, мужскую. Сложила по привычке. Потом развернула и бросила на кровать.

— Ты можешь просто оставить вещи и спокойно поговорить со мной, — сказал он.

— Мы вчера поговорили. Ты сообщил, что мне нечего делать в собственной жизни. Я решила проверить, правда ли.

— Не изображай героиню. Через неделю прибежишь. Куда ты денешься без зарплаты?

Вот тут мне захотелось прибежать обратно прямо сейчас. Чтобы ударить чемоданом по его самодовольной уверенности. Но чемодан наконец защёлкнулся, и я сочла это добрым знаком.

— Не знаю, куда денусь, — ответила я. — Это неприятная часть свободы. Надеюсь, переживу.

Он потянулся к ручке.

— Отвезу тебя. Не надо устраивать шоу соседям.

— Спасибо. Я сама.

Внизу таксист посмотрел на чемодан и спросил:

— Надолго уезжаете?

— Пока неизвестно.

— Командировка?

— Что-то вроде. Только обратный билет стараюсь не покупать.

Он понимающе кивнул. Самарские таксисты, кажется, успели повидать все формы человеческого несчастья. Некоторые из них даже комментировали их в прямом эфире.

Машина Олега осталась во дворе. Я пользовалась ею много лет, но сейчас не хотела начинать новую жизнь спором из-за ключей. Документы на автомобиль мы ещё обсудим со специалистом. Хотя бы одну взрослую мысль я была способна удержать между двумя истериками.

✦

У Риты в квартире пахло корицей и лаком для волос. Причём корица была из настоящих булочек, а лак — из маленького салона красоты на первом этаже, где хозяйка по утрам проветривала помещение с силой промышленного вентилятора.

— Добро пожаловать в отель «Власова», — объявила подруга, распахивая дверь. — Завтрак по вдохновению, горячая вода иногда, бесплатное унижение бывших мужей круглосуточно.

Она жила в двухкомнатной квартире, снятой вместе с соседкой, которая уехала к родственникам. Вторая комната была закрыта, а мне достался диван в гостиной и половина шкафа, освобождённая от коробок с новогодними гирляндами. Рита работала на праздниках, и у неё круглый год стояла ёлка в разобранном состоянии. В отличие от некоторых семей, эта конструкция хотя бы честно признавалась искусственной.

— Правила, — сказала Рита и торжественно подняла палец. — Первое: никто не плачет в ванной больше десяти минут. Мне туда тоже надо. Второе: бывший не приходит без моего разрешения. Третье: нельзя извиняться за то, что тебе плохо.

— А четвёртое?

— Не трогать коробку с серебряными шарами. Там бомба из блёсток. Один раз открыла — два месяца чихала праздником.

Я поставила чемодан и вдруг поняла, что мне некуда положить ключи. Дома у каждого предмета было место. У ключей — блюдце, у сумки — крючок, у усталости — привычная улыбка. Здесь всё было чужое, даже тишина.

— Я ненадолго, — поспешно сказала я.

Рита перестала улыбаться.

— Вер. Можешь сколько нужно. Только не делай вид, что это не страшно.

И от этой простой фразы у меня опять защипало глаза.

После обеда я открыла ноутбук, собираясь «немного заняться делами». Но на рабочем экране остались только личные фотографии и несколько черновиков резюме. Доступ к служебной почте я не открывала. Это стоило невероятных усилий. Так хотелось узнать, кто сегодня ответил недовольному заказчику, кто забыл про поставку дверей и успел ли Олег испортить встречу с Котовым.

— Руки прочь от бывшей работы, — сказала Рита, заметив моё лицо.

— Я ничего не делаю.

— Ты смотришь на ноутбук так, будто он попросил тебя спасти ребёнка из горящего здания. Говорю как специалист по праздникам: если ведущая заболела, мероприятие всё равно либо состоится, либо честно провалится. Это больше не твоя сцена.

Я закрыла ноутбук. Через минуту снова открыла. Рита молча убрала зарядку.

✦

На следующий день я пошла к юристу. Самостоятельно. Это слово следовало бы продавать в аптеке с предупреждением о побочных эффектах: тошнота, бессонница, постоянная необходимость принимать решения.

Женщина за столом лет пятидесяти предложила присесть, выслушала мой сбивчивый рассказ и не произнесла ни одной фразы из сериала «Сейчас мы его разденем до нитки».

— Во время брака многое приобреталось на общие средства? — спросила она.

— Квартира, машина. Фирму мы тоже поднимали вместе, но оформлена она на него. В документах я руководила клиентами и проектами. Денег своих вкладывала много, а времени ещё больше. Время, кажется, вернуть сложнее.

— Время не вернём, — сказала юрист. — С остальным будем разбираться. Нужны документы, даты приобретения, сведения о платежах. И, пожалуйста, ничего не подписывайте сгоряча.

— Я вчера почти подписала бы заявление о собственном исчезновении.

— Хорошо, что не подписали.

Мы поговорили о том, как начать развод и отдельно обсуждать имущество. Я вышла с небольшим списком дел и большим желанием обнять любого человека, который сумеет объяснить мне жизнь простыми словами.

Перед выходом юрист остановила меня:

— И ещё, Вера Андреевна. Если муж говорит «всё записано на меня», это не ответ на все вопросы. Но и обещать вам половину его дела сейчас было бы нечестно. Шаг за шагом.

Я кивнула. Наконец кто-то не пытался меня либо запугать, либо мгновенно спасти.

Выйдя на улицу, я позвонила маме.

— Я поговорила со специалистом, — сказала я.

— Значит, точно разводишься?

— Да, мам.

Она помолчала. Потом спросила:

— А ты обедала?

Вопрос оказался таким неожиданным, что я прикусила губу. Ни одного слова про то, что я разрушила семью. Просто обедала ли. Я сказала, что нет. Мама пообещала привезти пирожки и тут же добавила, что не собирается сдаваться с «этой историей». Маленький шаг. Для нас обеих.

✦

Когда-то я любила ходить по городу без цели. Просто смотреть витрины, покупать ненужную ерунду и представлять, кем могла бы быть, если бы не выбрала работу с бесконечными дедлайнами. Теперь цель была одна: не вернуться в офис Олега и не рухнуть на чужом диване.

В телефоне всплыло сообщение от Риты: «Зайди в пекарню Жанны, если будешь рядом. Забери коробку для вечернего мероприятия. Я застряла с невестой. Невеста требует персиковый цвет. Персики отрицают существование такого оттенка».

Жанну я знала шапочно. Маленькая женщина с очень прямой спиной, владелица семейной пекарни, которую Рита помогала готовить к открытию после ремонта. Мы виделись на одном празднике, где Жанна угостила меня булочкой и сказала: «Вам нужно нормально есть». Кажется, все женщины старше сорока в какой-то момент заключают договор заботиться о незнакомцах через выпечку.

Пекарня стояла в старом квартале, где у каждого дома был собственный характер и ни один фасад не собирался стареть красиво. Внутри пахло дрожжами, но зала для гостей ещё не было. Только табличка на двери: «Скоро открытие». Слово «скоро» уже потеряло уверенность.

Жанна встретила меня с рулеткой в руке.

— Рита прислала? Хорошо. Забирайте коробку у стены. Только не обращайте внимания на этот ужас.

Ужас был заметный. Недоделанный потолок, закрытые плёнкой столы, пыль на подоконниках. Двое рабочих спорили, где поставить витрину. Один держал чертёж вверх ногами, хотя, возможно, это был не чертёж, а новая концепция оформления.

— Это всё к открытию? — спросила я.

— Через двенадцать дней, — сообщила Жанна и улыбнулась с таким мужеством, что у меня заболело сердце. — Если не успеем, будем продавать булочки прямо через окно. У нас там, слава богу, стекло пока на месте.

Я автоматически осмотрела помещение. Проводка у стены, коробки, проход, заваленный материалами. Уже собиралась спросить про подрядчика, сроки и поставки, но остановилась.

— Простите, — сказала я. — Это профессиональная болезнь.

— Какая?

— Вижу ремонт — начинаю мысленно спасать окружающих. Иногда ещё до того, как меня об этом попросили.

Жанна вздохнула.

— А вы умеете?

Я чуть не сказала «конечно». Слово застряло во рту. Уметь — не значит иметь право заняться чужой жизнью, когда собственная висит на тонкой нитке.

— Умею организовывать людей, — осторожно ответила я. — Но сейчас у меня сложный период. Если захотите, могу подсказать, кого лучше пригласить на осмотр. Не обещаю чудес.

— Я чудес и не прошу, — устало улыбнулась она. — Мне бы хоть булочками торговать, а не мешками со штукатуркой.

Снаружи кто-то коротко сигналил. Я взяла коробку, обещала передать Рите и ушла, хотя внутри всё ещё зудело желание остаться, позвонить, перепроверить и открыть пекарню к назначенной дате собственными зубами.

На улице я впервые почувствовала не только тоску. Было какое-то странное любопытство. Чужой ремонт не являлся моей обязанностью. И мир, как ни удивительно, продолжал существовать без моего ежедневного вмешательства.

✦

В бывший офис я приехала на третий день, заранее договорившись с бухгалтерией о передаче дел и заявлении об увольнении. Никто не обещал, что всё оформится одной фразой, и мне это даже нравилось: бумажная часть разрыва должна хотя бы притворяться взрослой.

Света встретила меня таким взглядом, каким встречают пациентов после трудной операции.

— Вера Андреевна… Олег Павлович у себя. Он просил, чтобы вы сначала зашли.

— Разумеется. Иначе его утро не будет считаться испорченным.

В кабинете за столом сидела Алина. Уже не на краю, а в кресле, которое много лет занимала я. Перед ней лежала стопка папок. Олег стоял у окна и говорил по телефону: «Да, мы теперь работаем быстрее. Никаких лишних согласований».

Увидев меня, он закончил разговор и расплылся в знакомой деловой улыбке.

— Вера. Отлично, что приехала. Сейчас разберёмся. Алина займётся развитием, а ты можешь временно остаться на прежних задачах. Без обид.

Я посмотрела на своё кресло. На чашку с треснувшей ручкой, оставшуюся в углу стола. На шкаф, который сама собирала в первый год. Всё было на своих местах. Кроме меня.

— Я приехала забрать личные вещи и закончить передачу дел, — сказала я.

— Ты не слушаешь, — поморщился Олег. — Я предлагаю тебе нормальные условия.

— Ты предлагаешь мне быть незаменимой, пока это бесплатно, и заменяемой, когда речь о признании. Боюсь, на этот аттракцион я уже купила абонемент. Больше не хочу.

Алина положила ручку.

— Нам всем было бы проще, если бы ты не делала это публично.

— Алина, я стою в кабинете, где ты сидишь на моём месте. Публичность организовали без меня.

Она покраснела. Совсем чуть-чуть. Олег сделал шаг ко мне.

— Ты понимаешь, на кого сейчас работаешь? У тебя нет ни квартиры, ни дохода. А резюме с подобной историей никого не обрадует.

— Тогда я стану редкой специалисткой с интересной биографией.

— Не язви.

— Не угрожай.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих секунд. Я неожиданно вспомнила, как он когда-то держал мой старый пуховик в гардеробе театра, чтобы у меня не замёрзли руки. Тот мальчик умел быть хорошим. Не хватало сил понять, куда он пропал.

— Закончим спокойно, — сказала я. — Я передам только то, что должна. Всё остальное решим отдельно.

На лестнице меня догнала Света с коробкой личных вещей. Там оказались кружка, фотография с корпоративного праздника и две заколки.

— Я не знала, что выбросить, — сказала она.

— Ничего, — ответила я. — Пожалуй, уже достаточно выброшено за эту неделю.

У двери офиса я на секунду задержалась. Когда мы открывали его, на стенах ещё не было краски, а в углу торчала одна розетка. Олег обещал повесить вывеску и устроить праздник. Я бегала по городу с документами и искала дешёвые стулья. Мы были счастливы. Сейчас в этом месте осталось только эхо.

Телефон завибрировал: сообщение от Олега. «Ты пожалеешь, что ушла». Я прочитала, убрала телефон и подняла воротник куртки.

— Возможно, — сказала я вслух. — Но точно не сегодня.

У меня не было следующего адреса. Зато впервые за очень долгое время появился выбор, куда идти.

Глава 4. Чужой мужчина, знакомый взгляд

Утром Рита отправила меня обратно к Жанне. На этот раз не за коробкой.

— Я оставила у неё телефон, — объявила подруга из чужого автомобиля. На фоне кто-то страдал из-за размера арки для цветов. — Вер, забери, пожалуйста. Без телефона я беспомощна, как ведущая без микрофона и терпения.

— А на каком телефоне ты мне звонишь?

— На рабочем. Не придирайся к деталям, у меня уже два нервных срыва в расписании.

Я надела джинсы и старый свитер. Рита уверяла, что женщина после расставания не обязана выглядеть как оскорблённая королева, а может выглядеть как женщина, которая хочет купить хлеб. Спорить было сложно.

В пекарне спорили ещё до моего прихода.

— Через неделю должны открываться двери! — голос Жанны слышался с улицы. — Не завтра, не когда рак на горе свистнет, а через неделю!

— Я вам объясняю: витрину невозможно поставить, пока это не переделают, — отвечал высокий мужчина в грязной куртке.

— А кто должен переделать?

— Вызывали тех, кто делал стены?

— Я вызывала всех. Мне уже кажется, что при следующем звонке сюда приедет труппа цирка.

Я вошла осторожно. На полу лежали куски картона, вдоль стены стояли коробки. Жанна в фартуке с нарисованными круассанами готова была этим фартуком кого-нибудь придушить.

— Рита оставила телефон, — сообщила я, словно это была достаточная причина для появления спасательного отряда.

— Вон там, на подоконнике, — ответила Жанна и тут же снова повернулась к мужчине. — Объясните мне простыми словами: почему я не могу поставить сюда холодильник?

Мужчина вздохнул и принялся рассказывать о размерах проёма. Через минуту стало ясно, что он объясняет не то, о чём его спрашивают. Я присела у стены, посмотрела на размеченный пол.

— Простите, можно уточнить? — спросила я. — Если витрина здесь не помещается, можно ли временно поставить её вдоль другой стены? Не подключать ничего наугад, просто поменять расположение после осмотра мастера.

Жанна сразу оживилась.

— А так можно?

— Не знаю. Я не специалист по электрике. Но спросить его можно. И надо перестать орать на человека, который хотя бы пришёл.

Мужчина с облегчением посмотрел на меня. У Жанны дрогнули губы.

— Я не ору. Я художественно выражаю тревогу.

— Очень выразительно. У вас почти готов сольный концерт.

Из двери донёсся новый голос:

— Если концерт платный, надеюсь, место у меня в первом ряду.

Я повернулась.

Мужчина в тёмной куртке стоял на пороге, держа в руке папку. Высокий, с коротко стриженными волосами, без галстука и без той особой улыбки, которая обычно появляется у начальников при виде чужих проблем. Выглядел лет на сорок. Или на сорок один — возраст, когда мужчина уже умеет молчать, а женщина начинает за это его уважать.

Жанна метнулась к нему.

— Кирилл Сергеевич! Наконец-то. Вы же обещали посмотреть. У меня тут всё разваливается.

— Пока только настроение, — сказал он, осматривая помещение. — Остальное, кажется, держится.

Он поднял на меня глаза. На секунду замер. Узнал.

— Вера Андреевна?

Я тоже узнала. Мы встречались полтора года назад на городском мероприятии для компаний, занимающихся ремонтом помещений. Я тогда публично поправила неверные сроки в презентации одного из подрядчиков. Олег после мероприятия сказал, что я «создала неловкость». А этот мужчина подошёл и спросил, давно ли я работаю руководителем проектов.

— Кирилл Белов, — произнесла я. — Вижу, у конкурентов память лучше, чем у некоторых супругов.

Он чуть приподнял бровь.

— У некоторых супругов?

— Профессиональная деформация. Прошу не учитывать.

Его взгляд задержался на моей руке. Обручального кольца уже не было. Сняла вчера ночью, не решаясь признать, что маленькая золотая полоска способна давить сильнее любого долга.

— Я не ожидал вас здесь встретить, — сказал Кирилл.

— Взаимно. Обычно я появляюсь только в местах, где людям требуется срочно что-то разрулить. Удивляюсь, что меня не заносят в местные легенды.

— Ещё не вечер, — ответил он. — Жанна, покажете, с чего началось?

✦

Через двадцать минут мы стояли у окна с листком бумаги. Жанна принесла горячие булочки, как будто пыталась заключить мир через тесто. Я не планировала участвовать в осмотре, но она то и дело спрашивала моё мнение.

— Завтра должны привезти холодильники, — сказала она. — Послезавтра — вывеску. Я пригласила людей на открытие. У дочери день рождения, она хотела устроить здесь праздник. А мне теперь говорят, что половину зала нельзя использовать.

Кирилл не обещал мгновенно исправить всё. В этом он удивил меня больше, чем если бы достал из кармана волшебную палочку.

— Сначала наш специалист посмотрит, что готово безопасно, а что нет, — сказал он. — Потом решим, какую часть можно открыть вовремя. Я не буду говорить, что за неделю всё починим, пока не увидим реальную картину.

— Значит, всё плохо? — спросила Жанна.

— Значит, мы не хотим сделать хуже.

Я кивнула. Хороший ответ. Дома Олег на такой вопрос говорил: «Да всё нормально, перестань». А потом звонил мне в одиннадцать вечера и просил срочно придумать, что делать с чужим «нормально».

— Можно на минуту? — спросила я.

Кирилл повернулся.

— Конечно.

Я взяла чистую сторону листа.

— У Жанны две задачи, которые сейчас смешались. Ей нужно начать продавать и ей хочется красивого открытия. Если мы отделим одно от другого, появляется шанс. Рабочую часть можно открыть после необходимых проверок, а праздник перенести. Это не позор. Позор — позвать людей под потолок, который ещё не готов.

Жанна задумалась.

— А как же гости? Я уже всё обещала.

— Напишите, что будет небольшое первое открытие, а большое — позже. Только не обещайте то, чего мы не знаем. Людям нужны булочки. Им всё равно, какого цвета у вас в зале стена, если булочки хорошие.

Жанна посмотрела на свои руки.

— Они хорошие, — тихо сказала она. — Я ради них всё это и затеяла.

— Тогда начните с них.

Кирилл внимательно слушал. Потом на листке у меня появилось несколько коротких вопросов к будущему специалисту. Ни одного загадочного слова, зато наконец стало понятно, кого и зачем надо позвать.

— Вы когда-нибудь работали у меня? — спросил он, когда Жанна ушла за новой порцией булочек.

— Нет. Вы бы запомнили.

— Уже запомнил.

Я посмотрела на него. Он произнёс это без улыбки, и почему-то стало неловко. Не как после комплимента, а как в тот момент, когда тебя вдруг видят без привычного пиджака.

— Осторожнее, — сказала я. — У меня аллергия на слишком удачные фразы.

— Хорошо. Буду говорить хуже.

Я фыркнула. Сама не ожидала.

✦

Когда осмотр закончился, Жанна перехватила меня возле двери.

— Вера, а вы могли бы ещё прийти? Посмотреть, что они решат? Я понимаю, вы заняты, но у меня голова кругом.

Я хотела ответить привычное «конечно». И уже открыла рот.

Кирилл стоял за её спиной, надевая куртку. На секунду его взгляд встретился с моим — не подсказывал, не спасал, просто ждал.

— Могу зайти, — сказала я. — Но только как знакомая. Если будете заключать договор, не надо рассчитывать на мои обещания. Я сейчас не работаю здесь.

Жанна кивнула.

— И то хорошо. У меня хоть один человек сегодня сказал правду.

На улице дул прохладный ветер. Я убрала телефон Риты в сумку, сунула руки в карманы. Кирилл вышел следом.

— Вы по-прежнему умеете сначала услышать человека, — сказал он.

— Дайте угадаю: сейчас последует предложение приобрести этот навык по специальной цене?

— Нет. Просто наблюдение.

Мы прошли несколько шагов.

— Вы сейчас где работаете? — спросил он.

Я почувствовала, как горло пересохло. Вчера могла спокойно пошутить о своём разводе с Ритой. Сказать это почти чужому мужчине оказалось гораздо труднее.

— Нигде. Взяла отпуск от чужих глупостей. Временно бессрочный.

— От компании Зайцева тоже?

Он спрашивал без сочувственного наклона головы. За это я едва не полюбила его прямо на тротуаре. Но самосохранение ещё работало.

— Особенно от неё.

— Слышал, что там перемены.

— Перемены — скромное слово. Скорее капитальный ремонт с выселением старых жильцов.

Он не спросил о причинах. Не полез с советами. Просто остановился возле своей машины.

— Если захотите вернуться к работе, позвоните. Мы иногда ищем людей, которые не путают честный ответ с удобным.

— А вы всегда так вербуете сотрудников? Возле пекарни и под запах свежих булочек?

— Только лучших. Для остальных у меня скучный кабинет.

Я рассмеялась. На этот раз легко, без слёз. Удивительное ощущение.

— Спасибо, — сказала я, — но я пока в том состоянии, когда человек может принять предложение о работе за приглашение сбежать от собственной жизни.

— Тогда не спешите. Номер мой у Жанны. А можно я оставлю свой напрямую?

— Можно. Только у меня телефон почти всегда разряжен. Старая привычка.

— Значит, придётся звонить дважды.

Он протянул визитку. Я взяла её за край, стараясь не коснуться пальцев. Не из романтических побуждений. Просто неожиданно почувствовала себя школьницей, а это в тридцать шесть было подозрительно.

✦

По дороге к Рите я несколько раз доставала визитку. На ней было написано просто: «Кирилл Белов». Ни слов «гений», ни «лучший в отрасли», ни фотография на фоне небоскрёбов. Даже скучно. Мужчины, способные спокойно жить без саморекламы, выглядели экзотикой.

Рита встретила меня в дверях.

— Телефон? — потребовала она.

Я протянула аппарат.

— А что у тебя за лицо?

— Какое?

— Такое, будто кто-то впервые за неделю сказал тебе, что мир не закончился.

Я рассказала про пекарню и Кирилла. Только про работу. Почти. Рита слушала с выражением человека, который нашёл в холодильнике чужой торт и пока не решил, можно ли откусить.

— Значит, конкурент Олега, — подвела она итог.

— Не начинай.

— Я вообще молчу. Просто удивительно, как судьба умеет подбирать декорации. У одной жены муж меняет женщину на партнёрские связи, у другой — партнёрские связи предлагают ей работу. Шекспир сейчас где-то в сторонке нервно курит.

— Он не предлагал работу. Он предложил позвонить.

— Самое страшное начало любой истории. Особенно если мужчина не похож на рекламный щит с зубами.

Я спрятала визитку под магнит на холодильнике. Через час переложила в кошелёк. Через два — вынула оттуда, чтобы не забыть среди чеков. Рита наблюдала молча.

Вечером пришло короткое сообщение с неизвестного номера: «Это Кирилл Белов. Жанна дала ваш контакт с вашего разрешения через Риту. Завтра будем на объекте со специалистом. Если захотите взглянуть на итог, приходите. И спасибо за идею разделить открытие на два этапа».

Я прочитала сообщение трижды. Ничего личного. Ни одного сердечка. Просто благодарность за идею, которую я высказала между двумя кусками булочки.

Олег за восемь лет привык считать мои идеи частью воздуха. А тут кто-то счёл нужным написать «спасибо».

Я набрала: «Пожалуйста. Надеюсь, ваши специалисты умеют отличать стены от потолка. Иначе придётся открывать пекарню на улице».

Ответ пришёл почти сразу: «В случае чего займём уличную площадку. Но надеюсь, до этого не дойдёт».

Я улыбнулась в телефон.

Рита, проходя мимо, изобразила громкий кашель.

— Это по работе, — предупредила я.

— Конечно. Я тоже так говорю, когда встречаю в интернете очередного красавца. Чисто исследовательская деятельность.

Я кинула в неё кухонным полотенцем. Впервые после измены мы смеялись, не заставляя себя.

А ночью мне приснилась пекарня. Там было светло, пахло корицей и кто-то за моей спиной сказал: «Можете больше не держать весь потолок на своих плечах». Я обернулась, но проснулась раньше, чем увидела лицо.

Обычно я не верила снам. Однако утром обнаружила, что визитка Кирилла лежит рядом с телефоном, а не в мусорном ведре.

Глава 5. Бывшая жена — новая проблема

Олег опубликовал нашу семейную историю в интернете на пятый день после моего ухода. Разумеется, не словами «я изменил жене и попытался вычеркнуть её из компании». Он был бы не Олегом, если бы не нашёл для предательства красивую обёртку.

На фотографии он стоял рядом с Алиной. Оба улыбались. Подпись обещала компании «новый этап развития, молодую энергию и свежий взгляд». Ниже шла благодарность женщине, которая «долгие годы обеспечивала надёжный тыл». Моё имя было написано правильно. Даже удивительно.

— Надёжный тыл, — прочитала Рита, жуя яблоко. — Вер, поздравляю, ты официально артиллерия. Пока он наступал на другую, ты прикрывала его задницу.

Я забрала у неё телефон, перечитала сообщение. Сначала стало смешно. Потом — нет.

Сотни часов, проведённых за работой, обернулись двумя предложениями. Я вела переговоры, договаривалась с хозяевами помещений, успокаивала разъярённых заказчиков. А теперь выяснялось, что моей задачей было вовремя подать главному герою тапочки.

В комментариях написали: «Красивая пара», «Поздравляем с новым союзом», «Успехов». Кто-то осторожно спросил, куда делась прежняя команда. Олег ответил: «Благодарны всем, кто помогал в начале пути». Я узнала собственный брак: в нём тоже когда-то было много общего, а потом я превратилась в «всех».

— Сейчас напишу, кто там ночами разгружал материалы, — сказала Рита, потянувшись к телефону.

— Не надо.

— Даже чуть-чуть?

— Даже запятую.

— Обидно. У меня готов отличнейший комментарий. Вежливый, культурный. Всего с тремя намёками на анатомию.

Я выключила экран. Хотелось накричать. Но ещё сильнее хотелось однажды увидеть своё имя рядом с чем-то, что я построила сама.

Секунду спустя я достала визитку Кирилла.

— Идёшь к конкуренту? — мгновенно спросила Рита.

— Иду на собеседование.

— То есть не из мести?

— Если он предложит хорошую работу, из жалости к себе тоже не откажусь.

Рита обняла меня одной рукой.

— Вот это уже разговор. Только платье надень своё красное. Оно тебе идёт.

— На работу?

— Именно. Пусть твоя новая жизнь знает, что у неё появился повод нервничать.

✦

Офис Кирилла был в спокойном деловом центре, без золотых букв на фасаде. На ресепшене сидела девушка лет двадцати семи с коротким каре и взглядом человека, который умеет замечать ошибки ещё до того, как они стали чужой проблемой.

— Добрый день, Вера Андреевна. Я Полина. Вас ждут.

— А у вас тут всегда так вежливо? — спросила я.

— Только по вторникам. Сегодня среда, так что вы счастливица.

Мне понравилось. Люди без юмора редко выдерживали долгую работу с чужими нервами.

Кирилл сидел за столом, заваленным образцами обоев и фотографиями недоделанных помещений. За его спиной висела не карта мира и не мотивационная надпись, а детский рисунок: большой дом с кривой крышей и подписью «ДЯДЯ КИРИЛ».

— Входите, — сказал он. — Пекарня пока стоит. Давайте обсудим вас.

— Я надеялась, что вы позвали меня только полюбоваться собственной скромностью.

Он улыбнулся.

— Я стараюсь не разочаровывать гостей.

Собеседование началось странно. Вместо вопроса «кем вы видите себя через пять лет» Кирилл спросил, что я сделаю, если клиент обещает одно, а рабочие на месте рассказывают другое. Потом — как поведу себя, если обещанный срок уже не спасти. Потом — что делать с заказчиком, который просит соврать его партнёру ради удобства.

Я отвечала. Иногда слишком подробно. Иногда останавливалась, чтобы не упоминать работу Олега. Кирилл не подгонял.

— А что вы считаете своей самой большой ошибкой? — спросил он.

Я могла рассказать о неудачной поставке, неверном подрядчике или плохом выборе покрытия для торгового зала. Вместо этого сказала:

— Я слишком долго думала, что любовь нужно заслуживать полезностью.

Он отложил ручку. В комнате стало неловко. Сказала лишнее. Наверное, красное платье тоже виновато: в нём было труднее прятаться за деловитость.

— Это не профессиональная ошибка, — заметил Кирилл.

— Ещё какая. Когда считаешь себя незаменимой, позволяешь окружающим не замечать, что ты устала. В результате и люди становятся ленивее, и ты в какой-то момент ненавидишь всё вокруг.

Он помолчал.

— Вы хорошо знаете маленькие компании, — сказал наконец. — А я хочу усилить работу с заказчиками. Руководитель, который сам умеет разговаривать с людьми, а не только отправлять письма. Работа ответственная. Первое время придётся многое строить заново. Зарплату, обязанности и условия обсудим честно. Никаких обещаний сделать вас владельцем половины фирмы через три дня.

— Жаль. Я уже выбирала корону.

— Корону можно оставить на потом. На стройке в ней неудобно.

Он протянул описание работы. Я прочитала внимательно. В нём не было слова «помогать». Я не знала, почему именно оно стало для меня таким важным, пока не почувствовала, как щиплет глаза.

— Мне надо подумать, — сказала я.

— Разумеется.

— И спросить кое-что неприятное.

— Спрашивайте.

— Вы предлагаете место потому, что я полезна, или потому, что моя фамилия раздражает Олега?

Кирилл посмотрел прямо.

— Вторая причина меня совершенно не огорчает, — сказал он. — Но платить вам я собираюсь за первую.

Я не удержалась от улыбки. У него получалось говорить неприятную правду так, что хотелось слушать дальше.

✦

На следующую встречу пришёл Вадим Серов. Высокий, худощавый, в идеальной рубашке без единой складки. Человек, который, вероятно, гладит даже носовые платки. Ему было около сорока, и он смотрел на меня так, словно в кабинет занесли подозрительный чемодан без ручки.

— Вы недавно работали у нашего прямого конкурента, — начал он.

— Ещё недавно я была за ним замужем. Это тоже следует учесть в анкете? — спросила я.

Кирилл откашлялся. Полина, присутствовавшая на встрече, очень заинтересовалась собственным блокнотом.

— Я говорю о возможном конфликте интересов, — сухо продолжил Вадим. — У вас может остаться доступ к старым материалам.

— К рабочим системам я больше не обращаюсь, — ответила я. — И не стану приносить чужие базы. Если вам нужны именно они, мы зря потратили утро.

Вадим поджал губы.

— Не стоит воспринимать всё как личное нападение.

— Тогда давайте не делать вид, что я пришла сюда с целью выкрасть сантехнический герметик.

Кирилл опустил голову. Уголки его губ дрогнули, но он быстро вернул себе серьёзный вид.

Мы обсудили мои обязанности, доступ к текущим проектам и то, кто принимает окончательные решения. Я спросила о больничных, отпуске, оплате переработок. Вадим поднял брови — словно человек, который восемь лет не уходил домой вовремя, не имеет права учиться.

— Нам важна преданность делу, — сказал он.

— Мне тоже. Но не хотелось бы, чтобы она снова заменила мне личную жизнь.

Кирилл посмотрел на меня внимательнее.

— Я за то, чтобы у сотрудников она была, — сказал он. — Иногда придётся работать допоздна, но делать из этого культ не собираюсь.

Вадим записал что-то в блокнот. Его ровные буквы походили на маленькие заборы. Мне показалось, что он уже выставил один между нами.

После встречи Кирилл задержался у двери:

— Серов не слишком любит резкие перемены.

— Я заметила. Он бы, наверное, попросил осень согласовать опадание листьев.

— Он много лет держит часть работы под контролем. Это важно.

— Контроль и недоверие — разные вещи.

Кирилл ничего не ответил. Позже я вспомню эту паузу.

✦

— Значит, мужчина предлагает работу, его партнёр тебя ненавидит, а ты в красном платье. У этой истории отличное начало, — подвела итог Рита, когда мы встретились в кафе.

— Я пришла обсудить зарплату.

— Разумеется. Ты в принципе не умеешь делать ничего интересного без списка условий.

Рита разорвала булочку пополам, одну часть положила передо мной.

— Ты боишься?

— Ужасно. Я восемь лет была человеком, который всё знает в одной компании. А здесь ничего не понимаю. Да ещё рядом мужчина, который смотрит на меня как на взрослого человека. Страшное испытание.

— Так и скажи: боишься снова стать чьими-то удобными руками.

Я кивнула.

— А если я не справлюсь? Вдруг Олег прав, и без него я на самом деле никакая?

— Вер, я видела, как ты однажды организовала чужую свадьбу за три часа, хотя просто пришла гостем. У вас тогда отключили свет, а невеста плакала из-за торта. Ты вытащила всё и даже не потребовала себе кусок. Если не справишься здесь, это будет первый человеческий поступок за последние годы. У тебя появится право на ошибку.

— Спасибо за веру.

— Не за что. Только не превращай мою поддержку в бесплатную работу. Я сейчас сама учусь брать деньги за то, что умею.

Мы долго сидели, глядя на прохожих. Потом я достала телефон и написала Кириллу: «Готова обсудить выход. Хочу заранее видеть условия в письменном виде. И никаких фантазий о моей незаменимости».

Он ответил: «Согласен. Приходите завтра к десяти. Незаменимых нет, но некоторые люди сильно улучшают жизнь».

Я прочитала последнюю фразу раз пять. Не знала, что с ней делать. Рита увидела выражение моего лица и захихикала.

— Не смей, — предупредила я.

— Я? Никогда. Просто приятно, что в твоей жизни наконец появились сообщения, которые не начинаются со слов «где ключи от склада».

✦

Подписывать документы я пришла в удобных брюках. С красным платьем побоялась: слишком много всего уже произошло из-за него за одну неделю.

Кирилл отсутствовал — был на объекте. Полина принесла договор, терпеливо объяснила, кому задавать вопросы, предложила чай и не делала вид, что мне оказывают милость.

— Вадим Сергеевич просил проверить ещё раз список доступа, — сказала она.

— Проверяйте. Я не хочу начинать работу с недомолвок.

Ручка дрожала. Казалось смешным: я подписывала сотни документов, а тут не могла ровно вывести собственную фамилию. Впервые это было не ради Олега.

На выходе меня встретил знакомый голос:

— Вера?

Муж стоял у стеклянной двери, рядом с Кириллом. Не знаю, что он делал в офисе конкурента. Возможно, приехал по деловому вопросу, а возможно, всякий человек однажды имеет право случайно попасть именно туда, где его совершенно не ждут.

Олег смотрел на папку в моих руках, потом на пропуск на груди.

— Ты здесь работаешь?

— Со следующей недели, — сказала я.

— У Белова?

— Представляешь. Мир маленький, а вакансий много.

Он повернулся к Кириллу:

— Ты понимаешь, кого нанял? Это моя жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.